

К.М. Ячменихин

ГРАФ А.А. АРАКЧЕЕВ И НИКОЛАЙ I

Имя графа Алексея Андреевича Аракчеева (1769—1834) как у современников, так и у потомков ассоциировалось и ассоциируется преимущественно с эпохой правления Александра I, хотя его служебная карьера началась еще при Екатерине II, а закончилась при Николае I. Уже при Павле I он достигает значительных титулов, чинов и должностей, но только при Александре его влияние на рычаги государственного управления становятся настолько значимы, что последнее десятилетие этого правления в историографии зачастую именуется «аракчеевщиной». По поводу таких ассоциаций дискуссию можно и нужно продолжить, но одно неоспоримо — если бы карьера Аракчеева закончилась отставкой 1799 г., то вряд ли его имя заняло бы такое место в истории.

Все исследователи политической истории России первой четверти XIX в. вынуждены в той или иной степени обращаться к фигуре А.А. Аракчеева, выяснять причины такого на первый взгляд странного «мезальянса», сложившегося между ним и императором¹. В последнее время жизнь и деятельность всесильного графа пристально изучается, особенно в связи со сменой проблематики и методологических парадигм в историографии, а также активизацией исследования истории военных поселений. Но, опять-таки, приоритеты отдаются годам его государственной деятельности времен Александра I², в то время как взаимоотношения графа с властью после отставки в апреле 1826 г. освещены в литературе достаточно фрагментарно. Именно этому сюжету российской истории второй половины 1820-х — первой половины 1830-х годов и посвящена настоящая статья.

¹ Багданович М.И. История царствования императора Александра I и России в его время. СПб., 1868—1872. Т. I—IV; Шильдер Н.К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. СПб., 1898. Т. IV; Кизветтер А.А. Император Александр I и Аракчеев в их взаимоотношениях // Русская мысль. 1911. № 2. С. 1—33; Николай Михайлович (Романов). Император Александр I. Опыт исторического исследования. М., 1999; Предтеченский А.В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. М.; Л., 1957; Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989; Сахаров А.Н. Александр I. М., 1998.

² Томсинов В.А. Временщик (А.А. Аракчеев). М., 1996; Федоров В.А. М.М. Сперанский и А.А. Аракчеев. М., 1997; Ячменихин К.М. Алексей Андреевич Аракчеев // Российские консерваторы. М., 1997. С. 17—62.

Источниковой базой работы является эпистолярное наследие А.А. Аракчеева и его корреспондентов³, а также делопроизводительные материалы, которые хранятся в фондах архивов, библиотек и музеев Российской Федерации. В совокупности с источниками, уже введенными в научный оборот, а также при их тщательном анализе, позволяющем извлечь новую информацию, представляется достаточно вероятным реконструировать последний период жизни А.А. Аракчеева и особенно его взаимоотношения с императором Николаем I и его окружением.

В период правления Александра I взаимоотношения графа с будущим императором были весьма эпизодичными и касались главным образом служебных функций, поскольку великий князь Николай Павлович возглавлял инженерные войска, а некоторые из его подчиненных — генералы и офицеры — были откомандированы в округа военных поселений. Но их было не очень много, так как А.А. Аракчеев отдавал предпочтение офицерам-артиллеристам и, следовательно, его взаимоотношения с инженерным ведомством не были активными. Одной из причин достаточно нейтрального отношения к великому князю, по-видимому, были дальнейшие планы Аракчеева относительно собственной карьеры. Последнюю он всецело связывал с личностью действующего императора, который был моложе его на восемь лет и отличался неплохим здоровьем, чего нельзя было сказать о самом А.А. Аракчеве. Те же изменения в престолонаследии, которые произошли в начале 1820-х годов, вероятно, мало его волновали, поскольку Аракчеев не сомневался, что его они затронуть никак не смогут.

Об отношении же будущего императора к А.А. Аракчеву в период апогея его государственной карьеры известно немного. Некоторые современники позднее вспоминали, что Аракчеев мог держать в своей приемной великих князей Николая и Михаила Павловичей по нескольку часов, что, естественно, не способствовало возникновению теплых чувств к нему со стороны последних.

Переломным в жизни и карьере А.А. Аракчеева стал 1825 год. Летом этого года на имя императора поступил донос унтер-офицера одного из поселенных кавалерийских полков, дислоцированных в Херсонской губернии, И.В. Шервуда о группе заговорщиков, которая вела антиправительственную пропаганду в частях 2-й армии. Александр I поручил А.А. Аракчеву провести расследование и в случае необходимости арестовать подозреваемых.

Было решено, что в первой половине сентября в г. Карачеве Орловской губернии Шервуд встретится с фельдьегерем А.А. Аракчевым и передаст дополнительные сведения о заговорщиках. Но 10 сентября в Грузинском имении Аракчеева дворовые люди убили экономку графа Н.Ф. Минкину, с которой его более 25 лет связывали любовные отношения. Это событие настолько повлияло на Аракчеева, что он совершенно впал в депрессию, отошел от государственных дел и не выполнил поручение императора. Впоследствии Шервуд писал, что если бы курьер Аракчеева не опоздал, то «никакого возмущения 14 декабря на Исаакиевской площади не случилось, затеявшие бунт были бы заблаговременно арестованы»⁴.

Такой версии до недавнего времени придерживалось большинство исследователей, в том числе и автор этих строк⁵. В.А. Федоров, однако, убедительно доказал, что Шервуд, мягко говоря, искажал действительность, а исследователи восприняли его сентенции на веру. А.А. Аракчеев отправил курьера в Карачев, но немного позже — 20 сентября, а возвратился он с «отчетом» Шервуда 30-го того же месяца. Информация, которую он доставил, была столь малосущественной, что начальник Главного штаба И.И. Дибич, которому Александр I передал эти бумаги, «усомнился в справедливости доноса, уверяя, что все это “выдумка” и “кончится вздором”»⁶. Более детальная информация о заговоре исходила, минуя А.А. Аракчеева, от капитана А.И. Майброды и помещика А.К. Бошняка.

Следующим ударом для А.А. Аракчеева стала неожиданная смерть Александра I в Таганроге 19 ноября 1825 г. Когда известие об этом достигло Петербурга, граф понял, что его положение становится очень шатким. 30 ноября он вместе с поселенными войсками присягнул Константину Павловичу, хотя и был в числе немногих, посвященных в перипетии династической ситуации. Одновременно он известил императора об «облегчении от болезни». Николаю Павловичу он присягнул рано утром 14 декабря. Твердая позиция и мужественное поведение нового императора во время событий этого дня общеизвестны, что же касается А.А. Аракчеева, то к нему подобные оценки вряд ли могут быть применимы. По свидетельству статс-секретаря В.Р. Марченко, который также находился в это время в Зимнем дворце, в нем из военных осталось только двое — «князь Лобанов по старости и непринадлежности к армии и граф Аракчеев по трусости»⁷. Естественно, такое поведение не могло остаться незамеченным Николаем I.

³ Русский архив. 1866. № 7—12. Стб. 1050—1052; Русская старина. 1882. № 10. Стб. 181—196; Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 154, 405; Отдел письменных источников Государственного исторического музея (далее — ОПИ ГИМ). Ф. 160, 190, 199, 282.

⁴ Исповедь Шервуда-Верного // Исторический вестник. 1896. Январь. С. 76.

⁵ Шильдер Н.К. Указ. соч. С. 366; Ячменихин К.М. Указ. соч. С. 47.

⁶ Федоров В.А. Указ. соч. С. 204.

⁷ Декабристы в воспоминаниях современников. М., 1988. С. 256.

Поведение А.А. Аракчеева накануне описываемых событий и его отношение к высшим государственным деятелям также обращали на себя внимание. По этому поводу великий князь Михаил Павлович в письме от 12 декабря 1825 г. на имя И.И. Дибича писал: «Третьего дня видел в первый раз (после болезни. — К.Я.) Аракчеева. Он мне упомянул об этом деле (о заговоре. — К.Я.), не зная, на чем оно остановилось, и говорил про оно, потому что полагает его весьма важным. Я тогда же сообщил об этом Милорадовичу, который хотел видиться с Аракчеевым, но как граф принял за правило никого у себя и нигде не видеть, даже по службе, то и не пустил к себе Милорадовича, хотя он и велел сказать, что он от меня»⁸.

Такое поведение А.А. Аракчеева не соответствовало логике, если бы он имел намерение удержаться на верхних ступенях власти. Но ситуация будет выглядеть совершенно иначе, если допустить, что Аракчеев понимал невозможность «сотрудничества» с новым императором и решил потихоньку отойти от дел. Кстати, подобное предположение в литературе уже высказывалось, но оно касалось последних месяцев правления Александра I и при этом достаточно слабо аргументировалось⁹.

Напомним, что в историографии превалирует мысль, будто инициатива с отставкой А.А. Аракчеева полностью принадлежит Николаю I. Попробуем скорректировать ее, опираясь на новые материалы и переосмысливая те, что уже введены в научный оборот. На момент описываемых событий А.А. Аракчееву исполнилось 56 лет. Состояние его здоровья было весьма неудовлетворительным — большое сердце (стенокардия) и расшатанная нервная система как следствие многолетней напряженной работы по 16—18 часов в сутки. Продолжать работать в прежнем темпе он уже не мог, особенно учитывая влияние последних событий. Однако это обстоятельство совершенно игнорируется исследователями. 10 декабря Аракчеев обратился к великому князю Николаю Павловичу с просьбой назначить ему «день, час и место, когда и куда явиться» к Его «Императорскому Величеству» (так в тексте. — К.Я.), настаивая при этом на встрече тет-а-тет: «...рабски прошу вас принять меня наедине, с людьми я быть никак не могу. Свидетельствуюсь в оном самим Богом»¹⁰. Просьба осталась без ответа — помешали последовавшие вскоре события.

18 декабря А.А. Аракчеев, известив императора о проведении присяги в поселенной 1-й гренадерской дивизии, вновь просит

⁸ Цит. по: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 3. С. 320.

⁹ *Архангельский А.Н.* Бегство в ожидании ухода? К поэтике эпистолярного жеста // *Человек.* 1994. № 6. С. 96—115; 1995. № 1. С. 141—155.

¹⁰ РГВИА. Ф. 154. Оп. 1. Д. 5. Л. 69.

об аудиенции, чтобы «лично подать... рапорт о состоянии войск Отдельного корпуса военных поселений и общее обозрение о денежных капиталах военных поселений», в его ведении состоящих. «Назначение испрашиваемого мною времени, — пишет он, — нужно мне и для объяснения Вашему Императорскому Величеству о всех делах, бывших в моем ведении при покойном Государе Императоре Александре Павловиче, чтобы получить по оным в настоящее время высочайшую волю и разрешение»¹¹. Вместо аудиенции император 19 декабря посылает А.А. Аракчееву рескрипт, в котором общими фразами выражает надежду, что тот будет служить ему, «как покойному государю»¹².

Морально удовлетворившись этим документом, который, по сути, оставлял его на всех должностях, граф на следующий день посылает императору письмо с черновиком рескрипта об освобождении его «от занятий по Собственной Е.И.В. канцелярии и по канцелярии Комитета министров»¹³. Николай I, не заставив себя долго ждать, в тот же день (вероятно, не без удовольствия) выдает на имя А.А. Аракчеева рескрипт, в котором говорится: «Граф Алексей Андреевич! Желая сохранить здоровье ваше, столь сильно потерпевшее от поразившего нас общего несчастья и столь мне и отечеству нужного для окончания предпринятого вами устройства военных поселений, памятника благодетельных намерений покойного Государя, отца нашего, вам к исполнению вверенному, нашел я удобным перевести собственную мою канцелярию в непосредственное мое заведование, канцелярию же комитета министров вручить управление оной... Гежелинскому»¹⁴. После этого у А.А. Аракчеева осталось право личного доклада императору только по делам военных поселений, чем он пользовался весьма редко.

Таким образом, инициатива «первичной отставки» исходила от А.А. Аракчеева, но при этом император не только не гасил ее, а напротив, в определенной мере даже стимулировал. Но поскольку рескрипты носили официальный характер, они могли быть опубликованы, что очень устраивало А.А. Аракчеева, который в это время подвергался в обществе ожесточенным нападкам по поводу своего шаткого положения при новом императоре. Будучи формалистом во всех отношениях, он, вероятно, был удовлетворен подобным ходом вещей.

Теперь все основные усилия А.А. Аракчеев направил на управление поселенными войсками, тщательно контролируя их

¹¹ Там же. Л. 69 об., 70.

¹² *Шильдер Н.К.* Император Николай Первый. Его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т. 1. С. 354.

¹³ *Русская старина.* 1982. № 10. С. 187.

¹⁴ Там же.

благонадежность. Это было чрезвычайно важно еще и потому, что государь был крайне обеспокоен не только событиями 14 декабря и реакцией на них общественности, но и распространением идей декабристов. В феврале — апреле 1826 г. граф неоднократно информировал императора о настроениях в округах военных поселений. Так, в докладе от 10 февраля он писал: «Всеподданнейше доношу, представляя при сем прилагаемую записку, мною сейчас полученную от полковника Чевакинского — полкового командира Его Величества Короля Прусского полка, из которой изволите усмотреть, что господа бунтовщики начинают действовать на военные поселения. Вследствие сего я намерен отдать приказ, что если где откроется подобное, то такового приезжего, несмотря на его лицо арестовать и, посадя на гаубвахту, мне донести, на что и испрашиваю соизволения Вашего Императорского Величества»¹⁵. В докладе от 13 февраля он сообщил, что получил от Чевакинского и Томашевского (также командир полка) донесение, в котором поясняются обстоятельства проезда через территорию округов какого-то офицера, который не имел на это права. В апреле он докладывает, что «на этих днях вновь оказался в поселенном... полку сумнительный человек, который начал в 3-й гренадерной поселенной роте угоривать солдат, почему они согрешили и присягнули двум Государям и прочие напристойные разговоры», и добавляет, что человек этот был «немедленно дежурным по роте офицером, который, видя его сумнительным... отправил его немедленно в Новгород к дивизионному начальнику генерал-майору Утрюмо-губернатору»¹⁶.

В этом же месяце во время инспекторского смотра гренадерского графа Аракчеева полка несколько солдат пожаловались бригадному командиру генерал-майору Петрову, что «служить невозможно тяжело стало». Следствие проводил сам Аракчеев, зачинщики были наказаны шпицрутенами и направлены в Отдельный Сибирский корпус. Граф попытался скрыть факт возмущения от императора, но тот узнал о случившемся от начальника штаба Отдельного Корпуса военных поселений генерал-майора П.А. Клейнмихеля и через некоторое время лично провел инспекторский смотр округов 1-й гренадерской дивизии. Николай I понял, что блестящая форма не совсем отвечает содержанию округа гренадерского корпуса так и не перешли на самообеспечение продовольствием и фуражом.

¹⁵ РГВИА. Ф. 154. Оп. 1. Д. 5. Л. 70.

¹⁶ Там же. Л. 74.

Именно в этот период поток всевозможных слухов и сплетен в адрес А.А. Аракчеева достиг своего апогея. Будучи человеком весьма впечатлительным, граф болезненно реагировал на создавшуюся ситуацию, что серьезно сказалось на его и без того уже некрепком здоровье. 9 апреля он написал рапорт, в котором попросил отпуск для лечения за границей¹⁷. Этот документ очень интересен с точки зрения характеристики физического и морального состояния А.А. Аракчеева на тот момент, и поэтому хотелось бы остановиться на нем более детально.

В начале письма Аракчеев сообщает, что уже несколько лет чувствует периодические «боли в груди». По всем признакам — это были симптомы стенокардии. Врачи настаивали на лечении на Карлсбадских водах, и А.А. Аракчеев впервые за 39 лет службы в офицерских чинах просит отпуск и заверяет, что если Всевышний благоволит ниспослать ему облегчение от болезни, то он может продолжить свое служение... «с тем же чистым и прямым усердием», которое руководило им при жизни покойного Государя, ежели только служба эта угодна будет Его Императорскому Величеству.

Далее он без ложной скромности пишет о собственных заслугах в деле создания военных поселений, особенно в их денежном обеспечении: «Что касается до денежных способов военных поселений, то я оставляю наличных денег более 32 миллионов рублей. Кажется, могу я открыто с позволенным верному слуге своему государю христианским удовольствием сказать, что сия часть в таком положении, какое, конечно, не всем другим известно и в каком, может быть, никто не воображает себе военных поселений... Я осмеливаюсь всеподданнейше поднести при сем на Высочайшее Вашего Императорского Величества благоусмотрение особую записку о капиталах военных поселений».

Для того, чтобы ознакомить общественность (информация о военных поселениях была закрытой) со своей ролью в создании и управлении этим весьма значительным государственным институтом, А.А. Аракчеев просит «подносимую записку напечатать в "Инвалиде" к общему сведению». Кроме того, он просит «пользоваться во время отпуска ныне получаемым жалованием. Оно не огромно... и менее получаемого не только моими сотоварищами, но даже и многими статс-секретарями». Эту просьбу Аракчеев аргументировал невозможностью «обойтись в приготовлении себя к отъезду и в содержании себя за границей». Но мои нужды, пишет он, «доказывает продажа домовых моих столовых серебряных вещей, что должно быть не безызвестно и вам, Всемилостивейший Государь... Но ежели я не приобрел

¹⁷ Русский архив. 1866. № 7—12. Стб. 1049—1052.

службою моею права на сию милость... то должен буду прибегнуть для путевых издержек к займу денег под залог единственно Грузинского моего имения... Имение сие составляет все мое благосостояние, и я со времени пожалования оно не прибавил к нему ни единственной души крестьян, ни единой десятины земли ни покупкою, ни наградами, розданных аренд и земель».

Все-таки Алексей Андреевич немного лукавил, поскольку деньги, и довольно немалые, у него водились. По моим подсчетам, ежегодная чистая прибыль от его имения составляла от 15 до 30 тыс. рублей ассигнациями. Известно, что после его смерти на его счетах в различных учреждениях находилось порядка 1,5 млн рублей. Трудно представить, чтобы такую значительную сумму он мог накопить за последние восемь лет частной жизни. Кроме того, материалы Грузинской вотчины свидетельствуют, что по 11-й ревизии 1811 г. за А.А. Аракчеевым в Вышневолоцком уезде Тверской губернии числилось сельцо Щеберино с деревнями, где проживало 38 душ крепостных¹⁸.

Тем не менее император проникся «сложным материальным положением» графа и приказал выдать ему «на путевые издержки» 50 тыс. рублей из государственной казны. Но Аракчеев не был бы Аракчеевым, если бы и здесь не совершил своеобразную демонстрационную акцию, заботясь, прежде всего, об общественном мнении. Он обратился к императрице Марии Федоровне с просьбой принять эту сумму на счет девичьего отделения военно-сиротского дома, чтобы на проценты от нее содержать 5 девушек, «коих отцы служат в военном поселении Новгородского отряда»¹⁹.

Казалось бы, А.А. Аракчеев хорошо понимал, что его просьба об отпуске может стать поводом для окончательной отставки, поэтому пытался сохранить некоторые лазейки для ее предотвращения. И тем не менее, на мой взгляд, именно состояние здоровья и желание на некоторое время уйти от злословия заставили его пойти на этот шаг. И не надо искать здесь какой-то потаенный смысл. А.А. Аракчеев слишком любил жизнь во всех ее проявлениях (об этом надо писать отдельную работу), чтобы безразлично относиться к собственному здоровью. А о том, что он решил ехать на лечение еще задолго до событий в полку его имени и официального обращения к императору, свидетельствует его письмо князю А.Н. Голицину от 22 марта 1826 г.: «...служба с офицерского чина 39 лет четвертому Российскому Государю, во все оное время накопились у меня жалованные вещи. Но как я по болезни моей должен буду просить себе увольнение к водам,

¹⁸ РГВИА. Ф. 154. Оп. 1. Д. 326. Л. 108—109 об.

¹⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 13. Л. 56—57.

а для сего нужны деньги, то я и решился все имеющиеся жалованные вещи продать»²⁰.

И хотя внешне он продолжал быть одним из приближенных императора (руководил траурной церемонией провоза тела Александра I через Новгород, принимал участие в его погребении 13 марта и нес Корону Казанскую), по всему ощущалось, что отношение к нему Николая I и его окружения не шло ни в какое сравнение с тем, что было при прежнем монархе. От него отвернулись даже те, кого он постоянно опекал и считал своей надежной опорой. Первым «изменил» П.А. Клейнмихель, для которого понятия чести и достоинства значили много меньше, нежели карьерные соображения. Тем не менее А.А. Аракчеев вплоть до своего отъезда за границу продолжал трудиться, длительное время пребывая в округах 1-й гренадерской дивизии, и вернулся оттуда только для личного доклада императору, во время которого и подал прошение об отставке. Во время доклада он передал императору еще пять записок, касающихся, в основном, поселений кавалерии²¹.

Маловероятно, чтобы Николай I колебался в принятии решения, но, тем не менее, А.А. Аракчеев получил рескрипт о предоставлении ему отпуска лишь 30 апреля. В рескрипте не оговаривались сроки отпуска, а также обходился вопрос о сохранении жалованья. Текст документа гласил: «Управление Отдельным корпусом военных поселений во время вашего отсутствия поручить на общих правилах начальнику штаба генерал-майору Клейнмихелю, который обязан о делах важных, требующих вашего разрешения, относиться к начальнику Главного моего штаба»²². Состоялась как бы «окончательная отставка» А.А. Аракчеева. Имел ли последний контакты с императором между 9 и 30 апреля и повлияло ли это на решение вопроса об отпуске, необходимо исследовать дополнительно.

1 мая 1826 г. А.А. Аракчеев издал последний приказ по Отдельному корпусу военных поселений. Содержание приказа свидетельствует о некоторой необычности предоставляемого ему отпуска и оставляет впечатление какой-то недосказанности. Вначале Аракчеев как бы подводит итоги своей деятельности на посту руководителя этого государственного института. Идею создания поселений он всецело связывает с покойным императором: «Сие новое, никогда, нигде на принятых основаниях небывалое великое Государственное предприятие, справедливо обратившее на себя внимание целой Европы, обязано своим началом и существованием Величайшему из царей, в Бозе почившему Государю

²⁰ Русская старина. 1882. № 10. С. 188.

²¹ РГВИА. Ф. 405. Оп. 1. Д. 382. Л. 198, 201, 207, 216—223, 226—230.

²² Там же. Л. 469.

Императору Александру Благословенному. В его всеобъемлющем уме родилась счастливая мысль о военных поселениях; его мудрыми соображениями получила свою зрелость и ему только одному вначале известны были те основания, на каких надлежало сию великую мысль произвести в действо. Мне первому и единственному мне она была открыта. Удостоенный доверенности Его Величества, я один имел счастье принимать его приказания, руководствоваться его наставлениями»²³.

Не так давно мне посчастливилось разыскать неизвестный проект А.А. Аракчеева, относящийся к началу 1815 г. и свидетельствующий, что в это время он выступал против введения военных поселений²⁴. Объясняя причины своего отпуска, он пишет: неожиданная смерть Александра I «поразила мой дух и сердце и до того расстроила мое здоровье, что я ни днем, ни ночью не имею спокойствия»²⁵.

Предчувствуя, что надежд на возвращение к руководству корпусом остается очень мало, А.А. Аракчеев обращается к солдатам и офицерам со словами прощания: «Оставляя таким образом вас, почтенные мои сотоварищи, я вменяю себе в приятнейший долг принести вам истинную и совершенную мою благодарность за те опыты вашего усердия к службе, которые оказывали вы во все время бытия под моим начальством. Ваша верность, обязанность вашего звания имеет уже лестную награду — она ознаменована Божеским благословением ко всем войскам поселенным, ибо ни один из наших офицеров не причастен известному гнусному заговору... (это не совсем соответствовало действительности. — К.Я.). Сие делает честь Корпусу военных поселений и коимо будет отличительною чертою в истории Государства Российского»²⁶.

Накануне отъезда, 6 мая, А.А. Аракчеев обратился к императорского губернатора Д.С. Жеребцова, с особой жестокостью расследовавшего обстоятельства убийства Н.Ф. Минкиной. Однако это заступничество бывшему губернатору не помогло; вскоре он был осужден за вынесение чрезмерно суровых приговоров, которые привели к гибели людей.

А.А. Аракчеев вернулся из-за границы в конце ноября 1826 г. За время пребывания там он прислал на имя императора всего одно письмо от 6 июня, в котором писал: «Его Королевским Величеством во время представления моего в Берлине и Потсдаме

был милостиво принят и внимание Его Величества Короля ко мне было совершенно такое, каковым я в счастливое время жизни моей был осчастливлен от моего отца и благодетеля в Бозе почившего Государя Императора Александра Благословенного»²⁷. Комментарии, как говорится, излишни. Единственное, что хотелось бы добавить: А.А. Аракчеев находился за границей как официальное лицо, и прусский король Фридрих Вильгельм III принимал его согласно протоколу.

Тем временем летом—осенью 1826 г. шел процесс переподчинения военных поселений общему руководству. Указом на имя И.И. Дибича от 30 октября штаб Отдельного корпуса военных поселений был присоединен к Главному штабу²⁸. Таким образом, с автономией военных поселений было покончено. Недели раньше, 23 октября, был издан указ, по которому А.А. Аракчеев увольнялся с поста Главного над военными поселениями начальника в связи с ликвидацией этой должности.

Отдельные детали этих событий отражены в воспоминаниях флигель-адъютанта Н.И. Шенига. «В октябре узнал Государь, что Аракчеев возвращается и поручил Дибичу послать к нему письмо в Киев с уведомлением, что Император, полагая, что кратковременное пользование водами не могло совершенно излечить его, предоставляет ему возвратиться в чужие края, до совершенного выздоровления; а ежели же граф полагает окончить курс своего лечения в России, то советует ему воспользоваться деревенским воздухом и, не приезжая в столицу, остаться в Грузине. Я сам, — пишет Н.И. Шениг, — сочинял и переписывал это письмо»²⁹.

Неизвестно, получил ли Аракчеев это послание, но 5 декабря он отправил из Киева (комендантом города служил его младший брат — генерал-майор Петр Аракчеев) письмо на имя Дибича, в котором сообщал о получении указа от 23 октября и просил последнего «при докладе... Его Императорскому Величеству изъяснить» его (Аракчеева) «верноподданную благодарность за увольнение... от занятий по военному поселению, что действительно... нужно для поправления совершенно расстроенного... здоровья, которое необходимо требует единственное... уединенно спокойной жизни»³⁰. В конце того же месяца Дибич писал А.А. Аракчееву: «Содержание почтеннейшего письма вашего сиятельства ко мне от 5 сего декабря я доводил до сведения Государя Императора и по высочайшему повелению в ответ на оное имею честь уведомить, что Его Величество искренно желает,

²³ ОПИ ГИМ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 13. Л. 58—58 об.

²⁴ «Во внимании к пользам государственным...». Записка графа А.А. Аракчеева Александру I о реформе армии. 1815 г. / Подготовка к печати, предисловие и примечания К.М. Ячменихина // Исторический архив. 2000. № 6. С. 4—20.

²⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 13. Л. 59 об.

²⁶ Там же. Л. 60.

²⁷ РГВИА. Ф. 154. Оп. 1. Д. 5. Л. 75.

²⁸ Там же. Ф. 405. Оп. 1. Д. 409. Л. 639.

²⁹ Воспоминания Н.И. Шенига // Русский архив. 1880. Кн. 3. № 2. С. 324.

³⁰ Русская старина. 1882. № 10. С. 190.

дабы отдохновение от долговременных трудов, на пользу службы вами понесенных, могло способствовать к совершенному восстановлению расстроенного вашего здоровья»³¹. (Необходимо заметить, что А.А. Аракчеев продолжал числиться по армии инспектором всей артиллерии и пехоты до апреля 1833 г., после чего уже получил полную отставку.)

Трудно сказать, чего больше было в этой переписке: лицемерия или искреннего сожаления по поводу нездоровья одного из влиятельных сановников империи. О том, что император не был по-солдафонски прост и прямолинеен, говорить не приходится. Примером может служить его участие в следствии по делу декабристов. Однако и в ханжестве его вряд ли можно заподозрить. Думается, что не последнюю роль в судьбе А.А. Аракчеева сыграли его личные, достаточно дистанцированные отношения с императором, а также действительно неважное состояние здоровья. В пользу этой версии говорит и тот факт, что каких-либо кардинальных изменений в «александровской команде», особенно по военному ведомству, при новом императоре не произошло. Из крупных фигур исключение составил лишь главный над военными поселениями начальник.

Выполняя волю императора, А.А. Аракчеев постоянно проживал в Грузинском имении, периодически выезжая с кратковременными визитами к родственникам в Тверскую губернию, а также к бывшим сослуживцам, которые не изменили «опальному» генералу, — Канкриным, Апрелевым, фон Фрикенам, Бухмейерам и другим. Пока не удалось разыскать документы, которые могли бы подтвердить факт его приездов в С.-Петербург, хотя там и сохранялся дом, предоставленный Аракчееву казной. В 1832 г. военный министр граф А.И. Чернышов попытался отобрать его, но А.А. Аракчеев обратился к императору с просьбой сохранить дом до его смерти, и последний приказал исполнить ее.

Надо сказать, что контакты А.А. Аракчеева с верхними эшелонами власти после его отставки были крайне эпизодичными. Весьма неприятным для графа был эпизод, связанный с публикацией писем к нему Александра I. Аракчеев достаточно долго оправдывался, но в конце концов вынужден был сознаться, что напечатал в типографии штаба Отдельного корпуса военных посланий 30 экземпляров этой переписки. Эти события довольно подробно описаны в литературе³² и останавливаться на них нет необходимости. Заметим только, что они не могли повлиять на принятие императором окончательного решения об отставке

³¹ Там же. С. 191.

³² Федоров В.А. Указ.соч. С.221—224; Ячменихин К.М. Алексей Андреевич Аракчеев... С. 50.

Аракчеева осенью 1826 г., тем более что хронологически оба события полностью совпадают, а отношение императора к обнародованию такого рода документов общеизвестно.

На А.А. Аракчеева обрушилась новая волна негативного общественного мнения. И как ни странно, за помощью и поддержкой он вновь обратился к императору. В письме из Бежецка от 13 февраля 1827 г. он писал: «Всемиловейший государь! Здоровье мое так худо, что я теперь ничего себе не желаю, как только одного покоя, но оно у меня от моих недоброжелателей никогда не будет, если вы, Всемиловейший государь, не обратите вашего милостивого внимания на старого слугу ваших предков; не оставьте меня вашей отцовской защитой и будьте уверены, что я окончу последние годы хотя уже не службою, но с тою же преданностью к вам, августейшему монарху... Я теперь говею и готовлюсь приобщиться святых тайн в той деревне, где находится гроб моих родителей (с. Курганы. — К.Я.), а потом велю себя перевезти в мое Грузино и буду жить уединенно; но прошу у вас, Всемиловейший государь, милостиво позволить мне в случае важных каких-либо обид и угнетения от злодеев моих адресовать их прямо к Вашему императорскому Величеству с тою искреннею душевною откровенностью, с какою и всегда оно делал в течение моей жизни»³³. То есть А.А. Аракчеев предложил своеобразную сделку: он ведет уединенный образ жизни, а император гарантирует ему покровительство при особых обстоятельствах.

И такая негласная сделка состоялась: А.А. Аракчеев совершенно ушел в тень, а Николай I действительно оказывал ему поддержку, о чем, например, свидетельствуют события лета 1831 г., когда произошло восстание в Новгородских военных поселениях и А.А. Аракчеев был вынужден уехать в Новгород. Однако губернатор Денфер предложил ему покинуть город и отправиться к родственникам в Тверскую губернию. Император объявил выговор губернатору и коменданту города и потребовал от них принять все меры по обеспечению безопасности графа.

Получив разрешение обращаться к императору лично, А.А. Аракчеев регулярно поздравлял его с Рождеством Христовым, днем рождения и тезоименитства. В сентябре 1827 г. он поздравлял императора с рождением сына — великого князя Константина Николаевича³⁴.

Хотелось бы остановиться еще на одном эпизоде, который не зафиксирован в историографии. Известно, что Николай Павлович ревностно относился к сохранению документов, которые

в той или иной степени касались царской семьи. А.А. Аракчеев имел обширный архив, где сберегались подобные материалы. В 1831 г. по требованию императора он дал разъяснения относительно ряда документов времен Отечественной войны 1812 г. О наличии таковых в распоряжении графа могли знать Чернышов или Клейнмихель, поскольку А.А. Аракчеев любил иногда похвастаться вещами, подчеркивавшими его особые отношения с Александром I. Кто-то из двух упомянутых персон постарался довести об этом императору. В письме Николаю I от 4 сентября Аракчеев пишет: «Покойный Государь Император благодетель мой Александр Павлович в течение тяжелого 1812 года изволил отдавать мне все такие бумаги, о которых угодно ему было, дабы они нигде не находились, ни в каких делах, кроме как в одном моем собственном ведении, ибо они известны были только Государю Императору. По окончании сей Отечественной войны, разбирая в своем кабинете дела, изволил отдать еще некоторые материалы для подобного же содержания в собственном моем ведении. Спустя несколько лет я доложил Его Величеству о сих бумагах, и он изволил приказать переплести все оные в одну книгу у меня в комнатах в моем присутствии и представить Его Величеству. По исполнении оного, Его Величество, осмотря оную книгу, изволил мне сказать следующее: "Личная же твоя собственная служба к моему Лицу в оное тяжелое время, ничем не награжденная, по нежеланию твоему онаго, то и дадут мне право всеми оными переплетенными бумагами наградить тебя за твою ко мне привязанность для хранения в Грузине, дабы потомство видело мою к тебе доверенность и твое ко мне личное усердие. Дела сии такого рода, что по прошествии времени нет в них надобности, да и я желаю, дабы многие из оных не были никому известны, кроме нас с тобою". Ныне генерал г. Чернышов пишет ко мне и упоминает о некоторых оных делах, то я и подношу всю оную Книгу Вашему Императорскому Величеству как драгоценность мою, заслуженную во время Отечественной войны»³⁵.

Император, ознакомившись с содержанием этой «Книги», приказал возвратить ее владельцу, в связи с чем А.А. Аракчеев в письме от 24 сентября сообщил: «Дар покойного моего благодетеля Благословенного Александра Павловича, вновь пожалованный мне Вашим Императорским Величеством и присланный по судьбе всевышнего в самый день моего рождения, в которой исполнилось мне 63 года моей жизни, я получил...»³⁶ Некоторые из этих материалов сохранились в фонде Аракчеева³⁷. В этом

³⁵ Там же. Л. 85.

³⁶ Там же. Л. 85 об.

³⁷ РГВИА. Ф. 154. Оп. 1. Д. 81, 82.

письме есть одна неясность. В историографии датой рождения А.А. Аракчеева считается 1769 г. Если в 1831 г. ему исполнилось, как он пишет, 63 года, то датой его рождения следует считать 1768 г. Однако есть неоспоримые свидетельства, что таковой следует признать все-таки 1769 г., поскольку на могильной плите, установленной в Грузинском соборе Андрея Первозванного еще при жизни графа, была выбита именно эта дата. Почему граф в письме указывает такой возраст, непонятно. Можно предположить, что это чисто механическая ошибка.

В отличие от многих власть предержащих А.А. Аракчеев достаточно ревностно относился к тому, как его будут воспринимать потомки, каким он войдет в историю государства Российского. Последние его деяния — сооружение великолепного памятника Александру I (единственный монумент в России, воздвигнутый на средства частного лица); завещание 50 тыс. рублей для написания через 100 лет полной биографии Александра I; пожертвование 300 тыс. рублей при открытии Новгородского кадетского корпуса и т.д. — яркое тому подтверждение³⁸.

Поскольку А.А. Аракчеев не оставил наследника, то, согласно завещанию, его должен был назначить император. Требовалось соблюсти лишь два условия: чтобы наследник носил фамилию Аракчеева и чтобы имение не подлежало разделу. Николай I решил эту проблему достаточно быстро и оригинально. Указом от 6 мая 1834 г. Грузинское имение, все доходы от него, все движимое имущество, в том числе и богатейшая библиотека с архивом, передавались в распоряжение Новгородского кадетского корпуса, который получил название «Аракчеевского»³⁹. Думается, что именно это событие можно считать последней точкой во взаимоотношениях Алексея Андреевича Аракчеева и императора Николая I.

Поступила в редакцию
16.05.02

³⁸ Карцов П.П. Исторический очерк Новгородского графа Аракчеева кадетского корпуса и Нижегородской военной гимназии. СПб., 1884; Федорова В.А. Указ.соч. С. 225—227; Ячменских К.М. Алексей Андреевич Аракчеев. С. 50—51.